

МАКСИМ НИКИТИН

ЧЕТЫРЕ
ЧЕТВЕРТИ
СТРАХА

ОН МЕЧТАЛ УБИВАТЬ, НЕ ПРИКАСАЯСЬ К ЖЕРТВЕ.
НО КАЖДЫЙ РАЗ ПОЛУЧАЛОСЬ ИНАЧЕ.

18+

Максим Вячеславович Никитин

Четыре четверти страха

Серия «Эго убийцы.
Триллер-откровение»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580336
Четыре четверти страха: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-191793-7

Аннотация

Эта история о том, как одно страшное событие связало мертвым узлом несколько человеческих судеб, обрекая их на медленную и необъяснимую гибель. На протяжении всего романа автор словно делает аккуратный разрез на замирающем в ужасе воображении читателя. Чтобы в финале из вскрытой раны брызнула кровавая правда обреченной на страдания жизни...

Он стал невольным свидетелем этого происшествия в раннем детстве. Тогда, в том жутком месте, где пролилась первая кровь, его – маленького мальчика – просто не заметили. Зато он заметил все, до мельчайших подробностей. И запомнил. А потом вдруг почувствовал непреодолимое желание мстить. Мстить долго и изощренно. Всем, кто унижал его болезненное самолюбие своим пренебрежением.

Став взрослым, он начал изобретать самые разные способы расправы. Но бездумное убийство не доставляло ему никакого удовольствия. Даже тогда, когда он примерял на себя маски настоящих серийных убийц и маньяков. И вдруг он понял: нужна новая, особенная игра... Такая, когда жертва сама становится своим палачом...

Мне бы хотелось, чтобы читатель периодически отрывал свой взгляд от книги, смотрел несколько секунд в пространство перед собой, говорил: «Да не может быть», опускал глаза и снова погружался в чтение. Ведь в окружающем нас мире остается так мало моментов, которые способны удивить современного человека.

(От автора)

Я советую вам не открывать этот роман, если вы не в отпуске. Иначе вы рискуете схлопотать штраф за опоздание на работу, потому как обязательно проспите: книгу эту невозможно отложить в сторону, не дочитав до последней страницы.

(Генри Сирил, автор триллеров «Сценарий», «80 сигарет», «Плохой ребенок»)

Содержание

Глава I	15
Глава II	28
Глава III	37
Глава IV	44
Глава V	48
Глава VI	56
Глава VII	63
Глава VIII	69
Глава IX	76
Глава X	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Максим Вячеславович
Никитин**

Четыре четверти страха

© Никитин М.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Ты слышишь множество прекрасных голосов
И тут и там. Они зовут тебя повсюду,
И следовать за ними ты готов,
И им внимать, как сказочному чуду.
Знай лишь одно, что песни тех сирен
Понять на краткий миг лишь тот достоин,
Кто их не слушал и сквозь мрак и тлен
Судьбе бросает вызов, словно воин,
Не преклонивший в смертный час колен.
Он видит мир, утопленный в отраве,
Но он один. И лишь в его уставе
Есть слово смерть...

Кован Нерестов

* * *

Что я сейчас делаю в одном из гаражных нагромождений
на краю города?

Там, где раньше мой отец ремонтировал свою синюю «ше-
стерку» «Жигулей», разбирая ее чуть ли не до винтика.

Он брал меня сюда, словно в волшебное царство необъяс-
нимых инструментов – огромных ключей, которыми запро-

сто можно было проломить голову; острых длинных гвоздей, которые с упором можно было пропихнуть между ребер в сердце; шил и отрезков металла, которыми можно было пропороть живот; дисков от циркулярных пил, которые можно было метнуть в человека и срезать нос или выбить глаз; ломов, газовых ключей, баночек с кислотой из аккумуляторов и тысячами всего прочего, что разрешено хранить и использовать законом обыкновенному человеку.

Здесь, в этой сокровищнице, где я чувствую себя как нельзя более комфортно, я труборезом медленно укорачиваю пальцы моему давнишнему знакомому, хотя мы только сегодня в первый раз за много лет встретились с ним лицом к лицу.

Имя?

Его имя или мое?

Его зовут Павел, а у меня нет имени. У абстрактных понятий нет собственных имен.

Плотный мужчина с брюшком, в очках с толстыми стеклами и кляпом из старого вязаного шерстяного носка во рту (иначе он от боли сжевал бы себе язык) постепенно лишается по одному из своих пальцев, согласно задаваемым мною вопросам и его ответам.

А вопросы мои просты.

Это игра. Она называется «делал или не делал»! Очень интересная игра. Моя любимая игра! Потому что ответы на задаваемые вопросы только у меня в голове.

– Ты целовал ее в шею? – спрашиваю я через черную колючую балаклаву, вытирая рот рукавом. Почему-то очень сохнут губы. Приходится их облизывать, но от этого еще хуже, и я их вытираю рукавом.

А в голове тут же вертится картинка.

Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно упереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос.

Я прямо чувствую ее запах, который сводит меня с ума. Не знаю, как бы у меня с ней сейчас все это действительно происходило, но мне хотелось бы, чтобы все это было именно так.

Только так. Так, как я представляю. Любое расхождение с моей фантазией меня просто взрывает, и тогда я могу натворить ужасных дел.

Пол? У меня нет пола. Абстрактные понятия не имеют пола.

– М-м-м-м... ма-а-а! – мычал мой давний знакомый, мотая головой из стороны в сторону.

– Зря не целовал, – отвечаю я, и труборез при повороте сухо хрустит.

Колесико впивается в кость или хрящ, аккуратно разрывая его. Фаланга падает на застеленный полиэтиленовой пленкой пол. Кровь течет, как какой-нибудь сок из только что срезанного стебля цветка, а я чувствую тепло внизу жи-

вота.

Дальше мне приходится брать газовую горелку и прижигать торчащие срезанные хрящи и кровеносные сосуды. Пахнет шашлыком.

Мой визави пытается кричать, но кляп глушит звук.

Теперь ему надо дать отдохнуть, чтобы он не вырубился. Немножко отдохнуть. Чуть-чуть. Минут двадцать.

А мне теперь можно отвлечься и почитать.

Я люблю читать еще с детства, когда фантазия авторов вкупе с моим воображением уносила меня далеко-далеко в иные завораживающие миры, древние времена или несуществующие реальности.

Есть книги, которые настолько явшекекакоеотличноеприлагательноеозначающеевосторг, что прочитать их просто необходимо. Есть и так называемый маст хэв, о котором должен знать каждый образованный человек, а есть и откровенное дерьмо. Итак, начнем...

Ужас простых обывателей, ноль их знаний о предмете и максимальная раскрученность автора – Маркиз де Сад (если я правильно пишу его имя).

Так вот, мало кто читал его книги и много кто бравитует его именем! А вы просто возьмите и почитайте! Там совсем не то, что вы представляли себе.

Мне попало что-то более-менее доступное. А именно – «Сто двадцать дней Содомы» – первые шесть дней.

Так вот про явшекекакоеотличноеприлагательноеознача-

ющеевосторг читиво – это не про вот эту конкретную книгу маркиза.

Надо сказать, что он меня не впечатлил. Подвел меня маркиз.

Может, это не та книга, с которой нужно начинать знакомство с де Садом, но почему-то мне кажется, что автора сильно переоценивают. Тем более, насколько я знаю, в те времена было достаточно литературы, описывающей половые органы и варианты совокуплений.

Не всплыл передо мной и пресловутый лозунг – «Будь свободным» – в описании и чистых сладких розовых попок, и неподтертых грязных анусов. Не всплыл этот лозунг и в просовывании между ляжек девственницам, которых очень хотелось, но которых было нельзя дуплить по договоренности с устроителями средневекового порно-пати.

Особенно не нравилось, когда «благородные господа» принимают жрать дерьмо, запивая это мочой уродливых старух.

В общем, скучно, однообразно и «грязно».

Чувствую, что точно такое же впечатление оставит у меня «Американский психопат», к которому от скуки и ради отдыха от маркиза меня недавно привел интерес.

Американский психопат... Патрик Бейтман... Сатира, яппи, черный юмор, бренды, популярные группы, куча тупой порнухи и невероятно непрофессиональной расчлененки... Ладно, посмотрим, что будет дальше...

Так незаметно пролетело двадцать минут. Почему-то ужасно клонит в сон.

Мой сердечный друг уже вроде оклемался. Я закрываю книгу, вкладывая между страниц календарик с котятами. На нем один милый котенок сложил лапки, словно в молитве, а второй пытается напрыгнуть на него сзади. Наверное, чтобы обнять.

Дай бог, чтобы обнять.

Итак, приступим снова к моему сопернику.

Сопернику ли?

Наверное, да!

Теперь даже можно вынуть кляп на время. Посмотрим, что он скажет.

– Тебе нравился секс с ней? – говорю я (вот тут, прости, ненавижу слово трахать, Трахать, ТрАхАТЬ, ТРАХАТЬ, ненавижу его).

Мужчина в очках и труборез молчали. Даже если бы мой пленник ответил положительно, труборез бы ничего не предпринял. Да и что он мог бы сделать? Как тут устоять человеку? Сам труборез был бы не прочь хотя бы на миг коснуться своей ржавой ручкой ее красивого влажного рта или еще более нежных мест.

– Тебе нравился секс с ней? – спрашиваю я снова, но мой соперник пораженчески начал нести предательскую ересь.

– Но я не хочу ее больше! Забери ее, пожалуйста, забери! – говорил он.

Моя жертва на самом деле сейчас так ожесточенно отказывалась от Оксаны – своей женщины, с которой он встречается в текущий момент своей глухой жизни.

Отказывался от моей негаданной, случайной и такой банальной любви. Точнее – от любовного треугольника, о котором очкарик не догадывался.

Кто знает, какие у них с Оксаной теперь отношения? Мне не хотелось бы за ними следить.

Хотя – зря!

Нужно было бы проследить.

Нужно было бы уделить этому делу больше времени.

Стоило бы понаблюдать за ней и за ним. Стоило бы подглядывать с огромным биноклем, который был куплен специально для таких случаев.

Стоило бы посмотреть. Ссорятся ли они? Орут ли друг на друга из-за невымытой посуды? Не разговаривают друг с другом неделю из-за мятых рубашек? Плачут ли в подушку по ночам из-за недостаточного внимания?

А может быть, живут душа в душу?

А может быть, ссорятся, а потом занимаются бурным примирительным сексом?

– Да будь уже смелее – трахаются. НЕ ЗАНИМАЮТСЯ СЕКСОМ, А ТРАХАЮТСЯ!!

– Да заткнись, я не люблю это слово!

А может быть, все у них не так. Может быть, они по обыкновению после трудного рабочего дня медленно и уныло, как

по расписанию, раздеваются, укладываются в постель и монотонно любят друг друга.

– Да трахаются они! ТРАХАЮТСЯ ЖЕ!

– Да заткнись, боже мой, сука!! Пожалуйста, заткнись!!

В общем, меня это абсолютно не волнует.

Абсолютно.

Главное, что этот заплывший жиром бизнесмен средней руки уже давно отказался от прав на свою возлюбленную (назовем ее так).

Напрочь отказался еще при своем первом пальце.

Сейчас же, при втором, он называл ее всякими недостойными влюбленного мужчины словами и желал ей скорейшей смерти.

Да уж... Времена... Мужчины... Он не чета Гаю Муцию Сцеволе, который при угрозе пытками протянул руку в разведенный на алтаре огонь и держал ее там, пока она не обуглилась.

Не понимал мой толстостеклый «римский пленник» самого главного.

Не понимал он, за что ему выпала такая доля и за что он страдает. Смутно он осознавал, что его мучения связаны с моей любовью, но не знал, каким образом.

И вот теперь он предлагает мне все, что может предложить. Обещает деньги, обещает исчезнуть, просит мучить мою любовь вместо него. Как будто мне теперь это нужно.

И это после всего, что у нас с ней было.

«Бледная кожа шеи чуть ниже затылка с легким ароматом каких-то нежных духов. Там, где можно упереться носом в основание черепа. Там, где практически заканчиваются корни ее русых волос».

Он не может осознать самого главного, и поэтому с гулким хрустом проворота труборез аккуратно режет фаланги.

Думаете, меня сжигает ярость или ненависть?

Да нет же – наоборот!

Просто у меня сейчас затишье перед самым главным делом моей жизни. Это дело требует много времени и точных, аккуратно просчитанных ходов. Требует абсолютно холодной головы, а не того бардака, который царит у меня сейчас под наплывом «Великой Пустоты» – так оно у меня называется.

Поэтому разрушить все, что запланировано моментальной вспышкой сладкого яростного безумия, я не могу.

Вот и приходится вспоминать, возвращать и выпускать на волю маленькие, ничего не значащие для моих гостей, но болезненные для меня воспоминания.

Хруст трубореза – это не сама пустота. Хруст трубореза – это только четверть пустоты. Мне нужны и остальные три части, которые очень сложно собрать вместе.

Скоро все происходящее здесь коснется и тех людей, которые меня уже и не помнят. Скоро...

Глава I

– Да как же, в конце концов, сука, хорошо, Володька! – прокричал Илья наклонившемуся к нему коротко стриженному широкоплечему парню, пахнущему потом и резким парфюмом, через басы облепляющей музыки.

– А я что тебе говорил? – ответил короткостриженный. – Тут хорошо! Совсем ты заkis в своей высокой материи и бумажках.

Володька был отчасти прав. Тут было хорошо.

Черт дернул Илью поступить на философский факультет МГУ, и сам Сатана успешно курировал его поступление.

Хотя с какого великого и ужасного Хомы Брута сам Илья решил избежать участи множественной рати юристов, экономистов, программистов и бухгалтеров и ворваться в ряды философов? Этого никто не знал, кроме него самого.

А все на самом деле было очень просто. У Ильи оказалось очень много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

Когда ты, как солдат на учениях, скатываешься в небольшое, пригодное только для пятилетнего ребенка пространство между старым диваном и полом и тянешь на себя простыню, чтобы пьяный батя не заметил тебя...

Когда ты по глухим, слышимым из кухни звукам удара кулака о ребра и слабым вскрикам «мама», «Коля» и «зачем?» понимаешь, что батя добрался до мамы, и клянешь себя за

то, что у тебя не хватило смелости отвести от матери агрессию пьяного вдребезги и недовольного своей жизнью папы – слесаря какого-то разряда, который дорабатывает на издыхающем сейчас бывшем гиганте советского машиностроения...

Вот тогда-то у тебя много времени, чтобы поразмыслить о жизни.

С каждым «что я тебе сделала?» много времени.

С каждым, сука, «Илья же увидит!» много времени.

С каждым «пожалуйста, не надо» много времени.

Много времени, чтобы задуматься. Чтобы в пять лет что-то понимать о гребаной сущности бытия с точки зрения основных десяти взглядов на смысл жизни, которые Илья вывел в простые правила.

– Стремись к удовольствиям. Тем, что, конечно, не запрещены законом. Это киренаическое учение, как оказалось позже. Единственная цель жизни – испытывать удовольствие в настоящем, вместо того чтобы строить планы на будущее. Первостепенны физические наслаждения, и человек должен принимать все меры к тому, чтобы максимизировать их количество.

– Не гонись за богатством. Погоня за ним иссушает. Смысл жизни будет достигнут тогда, когда ты перестанешь сравнивать себя с другими. Не нужно знать сильных мира сего. Боже упаси тебя брать в руки выпуск «Forbes».

– У каждого свои представления о добре и зле. Добро ли –

пристрелить мучающуюся, сбитую автомобилем собаку? Отключить человеческий овощ от розетки? Решайте сами.

– Живи ради созидания. Будь сантехником, но твори. Если тебе не нравится то, что ты делаешь, немедленно бросай это. Нет в этом счастья.

– То, что ты сделал для других и они этого не узнали и не заметили, – бессмысленно.

– Оставь что-то после себя. Дети, книги, дома. В общем, вырасти сына, посади дерево и построй дом, но можно и написать книгу, картину, создать секту или сжечь город.

– Мир – это страдание. Все неудачи твои ничего не стоят, потому что ты и так живешь в отвратительной клоаке. Поражение ждет тебя ежеминутно. Попробуй, конечно, победить, но не расстраивайся, если облажаешься, ведь многие религии говорят, что если ты лежишь в помойке и в тебя плюют, то ты свят.

– После смерти есть только смерть.

– Смерть, как и жизнь, – сама по себе не плоха. Она лишь часть чего-то. Если есть смерть, значит, она должна быть.

– Выбери себе то, ради чего ты живешь, и добейся этого. Потом выбери следующее и добейся его. Не бери малозначительное. Это все должно быть всеобъемлющим, прямым, необоримым...

Владимир дернул Илью за рукав, вырвав из размышлений.

– Ты опять? – спросил он, пододвигая к Илье запотевший стакан водки. Другие напитки, кроме еще, возможно, пива,

лысый здоровяк не признавал. – Прекращай уже. Ты же меня просил ни в коем случае не давать тебе думать.

– А я думал? – слукавил Илья.

– По твоей сумрачной роже, – Владимир ударил своим стаканом о стакан Ильи, – было видно, что ты не о телочках размышляешь. А ведь сегодня это вариант! Железка! Ты только осмотрись.

Илья быстро окинул взглядом окружающее пространство барной стойки и столов, что стояли неподалеку.

Две неплохие штампованные, но явно «ищущие спонсора» блондинки пьют мохито за небольшим круглым столиком.

Еще есть две девахи, но они уже пьют с подкатившими недавно завсегдатаями.

Еще трое самочек – но они явно «пришли только с подружками встретиться», причем обручальных колец нет ни на одной.

Еще одна классическая пара – «красавица и чудовище».

Еще пара малолеток.

Потом одиночки:

факабл,

факабл,

факабл плюс водка,

факабл,

потом нет уж никак не факабл – господи прости,

факабл и...

Святые котятка!

Сколько раз в своей жизни Илья зарекался обращать внимание на фриков. Но его тянуло к ним до сладкого безумия! Тянуло к девушкам, попирающим принятые стандарты красоты и приличия.

Однако, несмотря на эту странность, по стандартам Ильи, все должно было гармонировать, и не нужно было перебарщивать.

Синие волосы – хорошо. Кольцо в носу, штанга в языке, клиторе – ок. Андеркат – вообще суперсексуально. Тату (даже маленькое) уже плюс пятнадцать к пробитию брони его сердца, а если это тату находилось в тех местах, где их обычно не делают, то плюс пятьдесят к пробитию брони и к возможности двадцатипроцентного крита.

Главное, чтобы не было татушек на лице. А хотя, если небольшие и после большого литража алкоголя, то хоть как у племени маори – на всю рожу.

Так вот. Глаза Ильи остановились на одной девушке. Это была прямо богиня, по мнению всех его существующих эрогенных точек.

Она сидела одна, явно наплевав на всех вокруг, с бутылкой самого дешевейшего и отвратительнейшего виски в обнимку. Правый висок был выбрит, а на нем легко и ненавязчиво красовался сантехник Марио, разбивающий кулаком пресловутый квадрат, из которого только-только начал вырастать грибок. На плече красным по бледной коже

красовался знак Орды из World of Warcraft.

Вместе с тем девушка не была одета в жуткие и непонятные подобиа фантазийных нарядов. На ней были джинсы, зауженные снизу и придуманные самим дьяволом, наверное, чтобы вызывать негодование в каждом истинно верующем. Белая футболка с эмблемой Грей Джоев и девизом – «То, что мертво, умереть не может». И безрукавка, явно сделанная вручную из безразмерного пуховика, словно его взяли у огромного огра, оторвали рукава, а девушка в нем решила выйти в свет.

Нужно было действовать. Илья взглянул на Владимира.

Лысый здоровяк, проследив за взглядом своего товарища, печально покачал головой, словно отец, осуждающий невинные, но неприличные в высшем обществе поступки своего неразумного отпрыска. Ну, любит малыш в носу на людях ковыряться, ну что же, теперь ему руки за спиной связывать?

В конце концов Владимир махнул рукой, отвернулся и продолжил общение с одним из своих знакомых, на которого около часа назад они натолкнулись у барной стойки. То ли Артем, то ли Антон, то ли Артур... Располагающий такой, компанейский веселый подвыпивший парень...

Тем временем Илья встал, чуть придержался за край стола, так как в голову ударила разница между трезвой сидячей сухопутной крысой и нольсемилитровотуманной погодой, упавшей на плечо молодого юнга.

Где он вычитал эту фразку? Ну да ладно.

Сконцентрировавшись, Илья направился к двуместному маленькому столику в углу, где сидело так заинтересовавшее его создание.

Когда он плюхнулся на стул напротив, ничто не оторвало девушку от наливания очередной порции отвратительнейшего виски в ее граненый стакан, который явно был принесен ею из дома.

Наконец горлышко бутылки, наливающей коричневую отраву, оторвалось от края стакана. Марио на виске девушки словно легонько качнулся, его кулак нежно на полпальца погрузился в нависавший, как в игре, коричневый блок, а грибок, как показалось Илье, моргнул своим глазом-точкой.

– А тебе что угодно от конченной дуры? – спросила девушка, даже не взглянув на Илью.

– Простите? – Илья слегка замешкался, не ожидая такого начала знакомства.

– Так сказал мудака, который думал, что ему сегодня обломится потрахаться. – Девушка вдруг замолкла и сантиметр за сантиметром осмотрела Илью с видом ветеринара, выискивающего в помойной крысе признаки чумы или бешенства.

Илья хотел заглянуть в глаза девушки, но они были надежно скрыты за ниспадающей челкой. Там можно было рассмотреть только холодные редкие вспышки. Ничего более или менее адекватного в таких глазах не было! Это сейчас были пустые буркала бездумной акулы в темных толщах во-

ды, которая хотела только жрать, нарезая круги перед жертвой, и больше ничего. А может быть, это были маленькие глазки хорька, забившегося в свою нору и злобно поблескивающего ими оттуда.

Илья перевел взгляд на бутылку дешевого виски, на граненый стакан, на огромный изогнутый телевизор над барной стойкой, из которого раздавалась известная композиция Dropkick Murphys. Потом он снова взглянул на девушку и увидел значительную перемену.

Что-то случилось. Еще только слегка осязаемое, эфирное, но уже не предвещавшее ничего повседневного, стандартного и скучного. Может быть, Илья что-то сделал, может быть, просто так сложились звезды, но злобное выражение исчезло с лица девушки. Она отбросила волосы со лба небрежным взмахом головы, и на лице ее внезапно вспыхнули новые темно-зеленые глаза с серыми точечными кляксами разводов у зрачков, похожие на невероятные снимки телескопов из космоса.

– Сверхновая 1987А, – произвольно прошептал Илья.

– Что? – девушка чуть заметно подняла бровь.

– Да не, – отвечал Илья, пытаясь казаться простым пьяным приставалой. Сравнение глаз девушки с шикарной красивой галактикой было слишком преждевременно и пошло. – Ничего! Просто вспомнилось...

– Галактика? – ухмыльнулась девушка. – Астроном, что ли?

– Да не то чтобы прямо астроном, – Илья понял, что его раскрыли (как же стыдно), – но когда-то увлекался.

– Ладно! – слегка улыбнувшись, сказала девушка. – Не парься. Как тебя зовут?

– Илья, – ответил молодой человек.

– Василиса, – ответила девушка, осушив пол граненого стакана одним залпом, сморщившись и подавив слегка заметный рвотный позыв. – Трахаться хочешь?

Акцент был сделан на слове «хочешь».

– Что? – теперь настала очередь Ильи удивляться.

– Ты хочешь меня? – Василиса провела рукой по волосам, открывая татуировку на виске. Волосы послушно поплыли, и от них повеяло каким-то детским шампунем.

Так периодически пахло от двоюродной племянницы Ильи.

Что-то в голове щелкнуло. Что-то омертвело, словно ты в эротическом сне пытаешься заняться сексом с какой-то соблазнительной незнакомкой, а она вдруг превращается в отвратительную старуху, или какое-нибудь животное, или еще хуже... Но ты же уже весь в процессе, и остановиться ты не можешь.

Боже мой! Нужно было быстро заканчивать эту несуразную встречу и отправляться обратно.

Зря он!

Зря снова не послушал Владимира. Не нужно ему сейчас таких приключений. Сидели бы сейчас вместе с Володкой и

этим Артуром или Антоном, слушали бы его веселые байки. Было бы весело и спокойно, но... пусто?

Вдруг Марио от движения руки Василисы подпрыгнул, и волосы снова упали на зеленые глаза.

– Да ладно, – улыбнулась девушка. – Не трясись ты так. Просто надоели тупые альфа-самцы, которые считают, что им доступны все девушки. Достаточно только потрясти кошельком или ключами от дорогой тачки. А пьющая в одиночестве телка, так это вообще вариант на сто сорок шесть процентов.

– Я не трясусь, – хмуро ответил Илья.

– Вот и хорошо, – сказала Василиса, а потом издевательски улыбнулась: – Так ты хочешь меня?

– Не ерничай, – Илья поднялся из-за стола. – Я пойду и принесу выпить. Ты хочешь что-нибудь?

– Нет! – ответила Василиса. – И не буду сильно расстраиваться, если ты не вернешься. Пойму. А то ты прямо побелел весь.

Илья вернулся через несколько минут с бутылкой такого же дешевого виски и стаканчиком для шотов. Василиса, казалось, за все это время даже не шевельнулась.

– Назло тебе вернулся, – сказал Илья, ставя на стол бутылку и свой стаканчик, который выглядел гадким заморышем в сравнении с чинным и благородным граненым стаканом.

– А ты что? Со своим стаканом приходишь? – спросил он. – Я тут граненого ни разу не видел.

– Угу, – мрачно кивнула девушка.

– Почему? – спросил Илья.

– Бывают приступы мизофобии, – ответила Василиса.

Илья порылся в своей памяти, минуту помолчав, и вспомнил статью в Сети про топ двадцать распространенных фобий.

– Микробов боишься? – усмехнулся Илья.

– Не совсем, – девушка сделала глоток виски. – Просто как представлю, сколько губ касалось этого стакана, так какое-то омерзение берет. Причем губы эти делали много-много всего гадкого.

Василиса на мгновение задумалась.

– А иногда, – лицо девушки приняло мечтательное выражение, – так и хочется из такого выпить. Особенно из грязного. Прямо чтобы немытого. Прямо словно кто-то заставляет.

Василиса жадно уставилась на маленький стаканчик Ильи.

К этому моменту, как показалось Илье, она была уже в «нужной кондиции». Да и сам Илья был ненамного свежее.

– Угощайся, – Илья налил в стаканчик желтую крепкую жидкость, которая выдавала себя за виски.

– Пока не настолько припекло, – сказала Василиса, доливая остатки из своей бутылки в граненый стакан.

– Как знаешь, – Илья поднял стаканчик и осушил свой маленький и жалкий шот.

На вкус виски был еще хуже, чем говорил о нем его внешний вид и запах.

– О чем будем дальше разговаривать? – спросила Василиса.

– О Марио, – неожиданно для себя ответил Илья. – Почему у тебя именно Марио?

Девушка внимательно посмотрела на Илью, потом ее зеленые глаза помутнели, словно в памяти всплыли самые печальные моменты жизни, а потом она сделала большой глоток из своего граненого стакана.

– Марио – он же герой! – с горечью произнесла Василиса. – Он спасатель принцесс! Он типа рыцаря. Только с каждым уровнем его счастье все откладывается и откладывается. Принцесса постоянно переезжает в новый замок. А он все не может остановиться и послать эту дуру на хрен. А я так хотела, чтобы он ее послал и спас меня.

– Это от кого же? – спросил Илья.

– От самого главного врага, что у тебя есть, – сказала Василиса. – Знаешь от кого? Рассказать?

– Конечно, – Илья заинтересованно уставился на девушку.

– Ты никогда не чувствовал, как будто кто-то заставляет тебя... – начала Василиса, но тут же замолкла.

– Заставляет что? – спросил Илья.

– Не важно, – сказала Василиса, тут же взяла руку Ильи и, положив себе на колено, стала медленно продвигать ее вверх по бедру.

Вокруг все были заняты своим делом. Кто-то пил, кто-то расплачивался, кто-то целовался, флиртовал, договаривался о «ко мне – к тебе», о звонках, о сообщениях, о чем угодно, но Илья чувствовал лишь свою руку, которую Василиса медленно двигала по своему бедру все выше и выше.

– Пойдем со мной! – вдруг сказала девушка, поднявшись и потянув Илью за рукав. – А потом я тебе все расскажу. Договорились?

Илья кивнул.

Через несколько минут он уже непослушными пальцами торопливо расстегивал пуговицы на джинсах Василисы в кабинке мужского туалета, а она с задранной до подбородка футболкой, обнажающей грудь, ловко помогала ему в этом занятии.

Глава II

Серое зябкое утро. Уличные фонари все еще пытаются заглянуть за плотную завесу оконных штор, разбрызгивая по стенам комнаты желтые осколки своих слез. Из чуть приоткрытого окна тянет прохладой и пахнет сыростью, а от подоконника идет легкая волна тепла, поднимаемая включенным электрическим обогревателем, поставленным у холодной домашней батарее.

Обогреватель не спасает. А под тяжелым одеялом тепло и уютно.

Мягкая и приятная простынь, такой же приятный на ощупь пододеяльник. Теплая и мягкая подушка. Все хорошо. А вокруг тишина, изредка нарушаемая звуками просыпающегося города – отдаленным шумом проезжающего автомобиля или редким карканьем ворон на ближайшей от дома помойке. Идиллия.

Вдруг рядом на прикроватном столике, словно вампир, очухавшийся в заколоченном местными селянами гробу, в плотном прямоугольном кожаном чехле засветился и забил-ся самый последний топовый смартфон.

В комнате зазвучал Ріанобой.

С тобой такие разные.

Не делимся на атомы, но дышим одинаково.

Влюбленные и пьяные.

Твоя рука в моей руке, глаза твои заплаканы.

Будильник на телефоне продолжал наигрывать песню Ріанобой, но будить ему было абсолютно некого.

Эдуард, наверно, уже минут двадцать как лежал на спине с открытыми глазами, уставившись в темный потолок, по которому были разбрызганы желтые слезы фонарного света.

Они были как те самые солнечные зайчики, отбрасываемые осколками битого стекла... там... на заброшенной стройке, в котловане. Казалось бы, столько времени прошло...

Эдуард до мельчайших подробностей помнил большой котлован, который был вырыт на пустыре не так далеко от их шестнадцатиэтажного дома в застраиваемом новом районе города.

Они с братом любили часто играть в этом заброшенном котловане, прыгая по недостроенным стенам первого этажа, среди гнутой арматуры, осыпавшегося кирпича и битого стекла. Ах уж эта неестественная детская тяга к приключениям и опасным местам! А сейчас...

Эдуард сел на кровати и выключил будильник, напевавший Ріанобой.

Даже в выходные дни он с какой-то маниакальной упорностью вставал рано, принимал холодный душ и отправлялся на пробежку. Вот уже двадцать лет. Без отговорок. Каж-

дый день. Сразу после того, как его выписали из больницы.

А Дима...

Эх, Дима, Дима...

Эдуард встал с кровати и, не включая света, направился в ванную комнату по темному коридору. Свет раннего утра еще не попадал в коридор, и упавшая на Эдуарда облепляющая густая тьма была плотной, словно кисель. Так же, как и там, в больнице, когда солнце скрывалось за небольшим старым деревянным двухэтажным бараком, что стоял в окне напротив его палаты.

И барак вырастал. Темный и давящий, казалось, на само сердце, он пустыми окнами-глазницами серого корпуса-черепа смотрел на Эдуарда, а над ним, словно кровь по бетону, растекался закат.

А потом еще через несколько часов серых тягучих сумерек приходила бесконечная тьма. Она обвивала не только тело пациента, но и все предметы в палате. Она обволакивала само сознание, не позволяя пробиться ни единой мысли. Только черное спасительное ничто. Только какая-то огромная пустота.

Эдуард включил свет в ванной и повернул ручку смесителя. Зажурчав, прыснула ледяная вода.

Около года Эдуард провел в «специальном учреждении», куда он попал вместе со своим братом, который был лишь на год старше его. Причем Эдуарда выписали через год, а Дима оставался там еще полтора года. Видимо, потому, что он был

старше, и его впечатление об увиденном на стройке тронуло одиннадцатилетнего мальчика намного сильнее.

Они всегда были вместе – Эдуард и Дима. Их небольшая разница в возрасте делала их практически братьями-близнецами, так что даже отличить их было трудно.

Трудно, но возможно.

Эдуард обладал более утонченными чертами, видимо оправдывая свое имя, выбранное ему бабушкой, которая была преподавателем русской литературы в университете. А Дмитрий был слегка по-медвежьи угловат, так как его имя дал ему его отец.

Папа был тогда молодой и перспективный офицер войск противовоздушной обороны. А мама... Мама против данных имен не возражала, так как очень любила их отца и их бабушку. Это были единственные ее родные и близкие.

Любила! Очень любила! Любила, пока ее не зарезал в темной подворотне какой-то ублюдок за кошелек, в котором денег-то было максимум на бутылку водки.

После этого за воспитание детей взялся отец. В трудные времена! Со всей строгостью! По-армейски! С наказанием за залеты и с обязательной физической муштрой и физподготовкой. Чтобы никто и никогда-никогда на этом свете! Никакой ублюдок! Не смог бы так просто! Забрать у него еще и сыновей!!!

Отец ненавидел и презирал слабость и пытался привить это своим детям.

Во дворе шестнадцатиэтажного дома в новом районе было много других ребят, но Эдуард и Дима по понятным обстоятельствам в основном предпочитали общество друг друга. Они изредка включали в свою компанию посторонних, среди которых был их сверстник – десятилетний Данила со второго этажа. Он был крепким жилистым мальчиком с голубыми, как небо, глазами. Потом Владик – невысокий полный мальчик из соседнего подъезда. Еще Бохар – кучерявый темный парень, которого взрослые за глаза почему-то называли странным словом «чурка». Была даже и девочка – Юля.

Хотя Юля и была на пару лет старше, но так же вместе с ребятами любила погонять мяч или попрыгать по недостроенным стенам запретной заброшенной стройки. Однако по ней всегда было видно, что она считает себя старше, а значит, умнее, опытнее и во всем остальном лучше, чем остальные ребята в этой компании.

Эдуард встал под холодные обжигающие струи воды, но ему было жарко. Он, как обычно, крепко зажмурился, но, как бы крепко Эдуард ни закрывал глаза, он не смог бы вытравить из памяти ту ужасную картину, которая кислотным ожогом будет чернеть на розовых извилинах вскрытого мозга. И закрытые глаза тут абсолютно не помогут.

Нет!

Сейчас увиденное в котловане уже не вызывало таких чувств, такой остроты, такого накала еще неизвестных детям эмоций, но забыть все это Эдуард не сможет никогда.

Не сможет и Дима.

Однако, судя по времени, проведенному в «психушке», Дмитрию не удалось подавить все это в той степени, в которой это удалось Эдуарду.

Дима, Дима... Ты переживаешь это намного сильнее.

И вот под закрытыми веками, под струями ледяной воды, из темного, спрятанного в подсознании уголка стали старым затертым черно-белым фильмом тарыхтеть кадры.

Дмитрий бледный, как первый снег, стоит на разваливающейся мелким кирпичным крошевом межкомнатной стене на стройке в котловане. Стена изрисована каким-то неумелым граффити.

Дима стоит на этой стене метрах в двух выше бетонного пола, усыпанного окурками, битым стеклом, кусками бетона и кирпича. Под самой стеной из пола выглядывают иглы торчащей металлической арматуры. Слегка пахнет мочой.

Глаза Димы полны ужаса и непонимания. Он не может даже осознать то, что видит.

Эдуард же стоит под гребаной стеной, покрытой всей этой мозаикой заброшенности и разрушения, и также не понимает, что происходит.

А в метре от них, оставив недлинный кровавый след, словно проползающая улитка слизь, лежит истекающее кровью тело.

Это была Юлия. Их подруга по играм.

Юлю можно было узнать по одежде. И только по одежде.

Она сегодня утром выходила из дома в джинсовой юбочке чуть выше колен и в белой футболке с какой-то надписью на английском языке, которую ни Дима, ни Эдуард не понимали тогда. Но сейчас...

Сейчас эти черные буквы на покрасневшей от крови футболке сквозь десятилетия цинично смеялись над всеми участниками произошедшей трагедии. «Enjoy the little things» – было написано на футболке.

Футболка была натянута на голову тринадцатилетней девочки, точнее, на то, что оставалось от головы. Юбка у Юли была задрана чуть ли не до подбородка, нижнего белья не было, ноги неестественно разведены в стороны, показывая то, что мальчики еще не должны видеть. Поэтому, с одной стороны, Дмитрия и Эдуарда охватило какое-то странное постыдное чувство, которое и пугало и одновременно притягивало, крутилось вокруг живота и требовало большего и большего к нему внимания, а с другой стороны, вид крови и безжизненного тела внушал беспредельный ужас.

Это было как-то странно. И притягательно, и омерзительно отталкивающе.

Первым очнулся Эдуард. Большинство своих действий он впоследствии мог вспомнить только с этого момента. Быстрым движением мальчик вскарабкался на стену и внимательно посмотрел на Дмитрия, который продолжал тарашиться то на него, то на распластавшуюся внизу Юлю.

– Ну что ты там вылупился, – на Эдуарда вдруг спустилась

непонятная решительность и хладнокровие. – Бежим быстрее. Нужно отцу рассказать.

– Но ведь... Так как же теперь... – бормотал что-то Дмитрий. – А как же ты... Что же мы...

– Скажем как есть, – уверенно говорил Эдуард, глядя в глаза брату. – Скажем, что вот так нашли Юльку на стройке и сразу же побежали за помощью.

– А если... – попытался возразить Дима.

– Ничего не бойся, – Эдуард развернул Диму спиной к Юле и, подталкивая ладошкой в спину, повел его прочь от пустыря. – Все будет хорошо.

Через полчаса заброшенный котлован было не узнать. Вокруг него по периметру толпились люди. Многих Эдуард и Дмитрий знали – это были жители их дома, знакомые и соседи. Но еще были милиционеры в форме, в центре суетились люди в обычной одежде, пара людей в белых халатах и еще какие-то «специалисты».

Тела Юли на том месте, где Дима и Эдуард его обнаружили, уже не было. О произошедшем напоминал только недлинный кровавый след, тянувшийся вдоль кирпичной стены.

Потом были долгие, практически бесконечные разговоры с разными взрослыми людьми, ожидания в душных приемных, поездки в прокуренных служебных автомобилях, бумаги, расспросы, слезы, угрозы, ночные кошмары, какие-то лекарства, хождение во сне, а потом галлюцинации и психиат-

рическая клиника.

Кадры черно-белого фильма перестали тарыхтеть.

Эдуард закрыл воду и вышел из душа. Вытершись мягким пушистым полотенцем, он нагишом вышел в темный коридор, где его снова окутала тьма. Липкая ужасная тьма, которой в глубине души страшится каждый человек, но которая приносила Эдуарду облегчение и там, в больнице, и здесь, в повседневной жизни.

Тьма – это отсутствие мыслей, желаний и воспоминаний. Особенно воспоминаний.

В комнате вспыхнул свет. Эдуард открыл ящик с нижним бельем и натянул на себя светлые спортивные боксеры и белую обтягивающую футболку. За ними последовали белые носки, а потом синий тренировочный костюм.

Только в коридоре, в котором наконец-то Эдуард зажег свет, были надеты серые кроссовки, щелкнул замок входной двери, белые горошины беспроводных наушников уселись на свои места, и хозяин квартиры отправился на пробежку.

Вот уже практически двадцать лет. Без отговорок. Каждый день. Сразу после того, как его выписали из больницы.

Глава III

– Ну исчезла и исчезла, – улыбался Владимир, иронично глядя на Илью. – Ты же получил что хотел?

– Получил, – мрачно ответил Илья, допивая из маленького стаканчика остатки дешевейшего виски.

– Понравилось? – Улыбка коротко стриженного здоровяка становилась все шире и шире.

– Понравилось, – автоматически повторил за ним Илья.

– Ну-ка, дай посмотреть, что тебе твоя Золушка оставила, – Владимир протянул руку и взял с барной стойки небольшую подвеску на цепочке.

Внешне она выглядела как огрызок карандаша со стирательной резинкой на одном конце. Рубашка карандаша была выкрашена желтой краской. С одного края металл держал оранжевый мутный камень, имитирующий стирательную резинку, с другого карандаш был заточен до остроты иголки.

– Интересная штука, – задумчиво произнес Илья.

– Цепь не выдержала? – Владимир внимательно изучал концы разорванной цепочки.

– Нет, блин! Это я сам потихоньку перекусил в процессе. Решил на золотишке подзаработать.

– Не получится, – ответил коротко стриженный здоровяк со знающим видом. – Это не золото и не серебро. Ты ее никому даже за бутылку пива не всучишь. Так что прогадал ты

с бонусом.

– Да не в бонусе дело, – Илья снова наполнил маленький стаканчик.

– А ты на ней после всего, как порядочный человек, жеваться собрался, что ли?

– Да нет, – ответил Илья. – Но чтобы вот так быстро... Сказала, что сейчас вернется, и вдруг исчезла.

– Ну так на! Получи девичью месть, – вдруг засмеялся Владимир, – тебя трахнули на первом свидании и бросили! Ты проститутка! Шалава! Ни одна порядочная девушка на тебя больше не посмотрит.

– Ну я же не такой, – улыбнулся Илья. – Я же не хотел. Я думал, что...

– Такой-такой, – парировал Владимир и засмеялся еще громче.

Постепенно толпа начала редеть, посетители стали расходиться.

Кто-то продолжит веселье в других местах, кто-то мечтает о любой горизонтальной поверхности, чтобы завалиться на нее и отрубиться. Кто-то, в меру повеселившись, собирается чинно и благородно проследовать к себе домой и уснуть.

Музыка уже не сотрясала стены и пол, да и треки были спокойнее, а звук тише. Все говорило о том, что здесь больше делать нечего: персонал устал, DJ выжал из аппаратуры все что мог, спиртное выпито, все запрещенное законом распродано.

– Я, наверное, поеду, – сказал Илья.

– Все? – спросил Владимир. – По домам?

– Так уже, наверное, часов пять, – Илья взглянул на часы. – Ого! Десять минут шестого! Теперь проваляюсь в коматозе до вечера.

– А о чем тебе заботиться? – Владимир ехидно усмехнулся. – Ты все сегодня уже успел. Даже кулончик тебе подарили. Спи теперь хоть до воскресенья.

– Мне в понедельник статью сдавать нужно, – Илья снова взглянул на часы.

– Вот в воскресенье встанешь, пива выпьешь с утра и как напишешь! – Владимир провел ладонью по затылку. – Как говорил старик Хэм: «Пиши пьяным, редактируй трезвым».

– Так я отредактировать тогда, по твоей логике, не успею, – настаивал Илья.

– Как знаешь, – махнул рукой здоровяк. – Настаивать не буду. Вас, журналист, не понять. То «давай напьемся, дружище... давай сегодня в хлам», а потом «ой, уже пять часов, меня мама заругает».

Илья поднялся со стула, оставив пустую бутылку виски на барной стойке, и протянул руку Владимиру.

– Ну... Давай! Счастливо!

– Да подожди ты, – сказал здоровяк. – Я с тобой пойду. Что мне тут одному делать?

Окинув взглядом барную стойку на предмет забытых им вещей, похлопав себя по карманам и убедившись, что и те-

лефон, и кошелек, и ключи на месте, Владимир неуклюже сполз с барного стула и направился к выходу. За ним последовал Илья, по примеру приятеля проверив свои карманы.

Окружающий мир встретил товарищей нестерпимо свежим воздухом и ярким светом. Солнце еще не встало, но его вот-вот можно было ожидать, судя по багровому зареву, разливавшемуся за одним из высотных стеклянных зданий.

Илья и Владимир стояли на углу пятиэтажного дома, очерченного узкой пешеходной дорожкой. Было прохладно, как может быть прохладно ранним июльским утром на улице после душного помещения, разогретого световой аппаратурой и сотней горячих человеческих тел. Над ними пыталась ярко гореть вывеска бара «Black Ocean».

Владимир достал сигарету. Илья поежился.

– Ну в принципе нормально по... – Илья не успел договорить.

Внезапно из-за угла вылетела какая-то фигура и со всего маху врезалась в Илью, опрокинув его на землю. Падая, он успел рассмотреть, что это был высокий человек плотного телосложения в синем спортивном костюме.

Уже лежа на земле, Илья наблюдал, как, прежде чем человек в синем тренировочном костюме успел как-нибудь отреагировать на случившееся, Владимир, ни секунды не колеблясь, со всего размаху ударил спортсмена прямо в челюсть.

Человек в тренировочном костюме охнул, взмахнул руками и повалился рядом с Ильей, а Владимир уже начал оже-

сточенно пинать лежащее на земле тело спортсмена своими полувоенными ботинками.

– Стой! – крикнул Илья. – Стой! Ты что?

Но так иногда бывало с Владимиром после большой порции выпитого. Любое физическое действие, умышленное или нечаянное, которое хотя бы слегка напоминало агрессию по отношению к нему или его друзьям, вызывало бурную ответную реакцию, выражавшуюся в кровавом мордобое.

Илья вскочил на ноги и бросился к здоровяку.

– Прекрати! – крикнул он, с трудом оттаскивая Владимира от тела в синем спортивном костюме. – Он не специально! Просто бежал! Ты слышишь? Бля, Володя, ты слышишь?

Несколько секунд упорной борьбы, и гладиаторская пелена спала с глаз здоровяка. Он тряхнул головой и уставился на человека, лежащего на земле.

– Уходить надо, – коротко произнес Владимир. – На мне и так условное.

– Дурак ты, – ответил Илья. – Иди. Я со всем разберусь.

– Нет! Я без тебя...

– Иди, – перебил Илья. – Я разберусь. Честно.

– Спасибо, – выпалил Владимир. – Я тебе наберу. С меня причитается.

Когда широкоплечая фигура скрылась за углом, Илья подошел к человеку в синем тренировочном костюме, лежащему на земле, и присел перед ним на корточки.

Пульс у спортсмена был – это уже хорошо.

Дыхание ровное. Челюсть не сломана.

Скорее всего, у него легкое сотрясение после удара.

– Эй! – Илья потрепал человека по плечу. – Эй! Ты слышишь?

В ответ раздалось невнятное бормотание.

– Выживешь! – Илья рванул тело вверх, подтащил к углу дома, приподнял и прислонил спиной к стене. Человек, в свою очередь, открыл глаза, поэтому Илье снова пришлось присесть рядом.

Так... Зрачки не расширены и реагируют на свет... Отлично!

– Ты как? – спросил человека в тренировочном костюме Илья, но в ответ снова раздалось какое-то бормотание.

Илья слегка хлопнул человека по щеке:

– Ладно, держись! Аккуратнее будь, спортсмен.

В конце концов – обычное дело. Илья, бывало, и не так еще получал от подвыпившего отца или во время бесконечных драк со сверстниками, которые из-за невысокого роста и худобы считали Илью легкой мишенью для своих шуток и физической агрессии.

Илья же быстро доказал всем, что единственный способ успокоить его оскорбленного – это его же смерть. Не обращая внимания на разбитый нос или рассеченную бровь, он вставал раз за разом и снова бросался на обидчика. В итоге связываться с ним отказались даже самые заядлые любители помахать кулаками. Да и что они могли сделать ему – челове-

ку, который уже выиграл самый главный бой в своей жизни.

Солнце показывало свою макушку над кирпичными, панельными и бетонно-стеклянными человежниками.

Илья встал и еще раз взглянул на человека в синем тренировочном костюме. Спортсмен уже предпринимал жалкие попытки подняться. Нужно было уходить.

Матернув пару раз Владимира, Илья взглянул на вывеску «Black Ocean», развернулся и исчез за углом пятиэтажки.

Глава IV

Эдуард бегал по одному и тому же маршруту вот уже больше шести месяцев.

Каждый год он все тщательно планировал и выбирал наиболее подходящий для него путь.

Во-первых, каждый месяц расстояние увеличивалось на 100 метров, как показывала программа в смартфоне, во-вторых, это должны были быть немногочленные улицы, в-третьих, Эдуарду должен был нравиться окружающий его пейзаж.

Нет! Живописные горы и морской пляж, конечно же, были бы излишеством, но и однотонных кругов по стадиону Эдуард тоже бы не выдержал.

Тихие дворики; добрые милые окна домов с просыпающимися людьми; пустые детские площадки; дорожки у скверов; скамейки, ждущие вечноживущих недовольных бабушек; автомобили, припаркованные вдоль тротуаров; аккуратно подстриженный прямоугольный кустарник; рисунки мелом на асфальте, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше, – вот что было нужно. Вот что не давало скучать на маршруте.

Эдуард, увеличивая темп бега, свернул на узкую дорожку, ведущую вдоль старого кирпичного пятиэтажного дома. Там еще, за углом, вроде бы был какой-то ночной клуб или бар.

В них Эдуард не разбирался, потому что практически не употреблял спиртного. Не потому, что не любил, а потому, что даже небольшие порции алкоголя вызывали у него ужаснейшие ночные кошмары, а иногда и сомнамбулизм, или, как говорят простым языком, хождение во сне.

Обнаружив себя несколько раз на лоджии девятого этажа в своей квартире при настезь открытом окне, Эдуард решил, что жизнь ему все же дороже, потому что...

Внезапно что-то сильно ударило бегущего человека в грудь, небольшая серая человеческая фигура бросилась под ноги, и сразу же, буквально через несколько секунд в глазах потемнело от удара в челюсть.

Боли Эдуард еще не успел почувствовать, просто его голова странно мотнулась вбок, и он понял, что падает на асфальт. Боль пришла уже там, на асфальте, когда чей-то ботинок еще пару раз заехал по ребрам. На некоторое время сознание свернулось в белую точку и пропало.

Открыв глаза, Эдуард сквозь мутную пелену заметил перед собой незнакомца. Это был невысокий худощавый молодой человек с бледным лицом, на котором выделялись большие темные глаза.

Его идеально правильный нос был когда-то сломан и теперь еле заметно смещался своим кончиком вправо, что, впрочем, только придавало молодому человеку определенный шарм.

– Ты как? – спросил молодой человек, внимательно вгля-

дываясь в лицо Эдуарда.

Какое-то непонятное ощущение, словно ты сам не хозяин своему телу, не позволило ответить на вопрос незнакомца. Во рту была странная каша с металлическим привкусом крови, голова гудела.

Молодой человек взял Эдуарда за руку, проверил пульс, приподнял за подбородок его голову и еще раз внимательно изучил глаза пострадавшего. Потом зачем-то хлопнул по и без этого гудящей челюсти.

– Ладно, держись! – наконец произнес он, поднимаясь на ноги. – Аккуратнее будь, спортсмен.

С этими словами незнакомец поднялся и в мгновение ока исчез за углом дома, а Эдуард так и остался сидеть на асфальте, упираясь спиной в стену кирпичной пятиэтажки.

Минут через десять дурнота и головокружение отступили, в голову стали приходить мысли.

Что это было? Ограбление? Эдуард пошарил по карманам.

Нет.

Все было на месте – и телефон, и кошелек, и ключи от дома.

Просто пьяная драка?

Но тогда бы его не убрали с тротуара, не прислонили спиной к стене, не проверили бы пульс. Что-то очень странное.

Эдуард поднялся на ноги, держась за стену. Продолжать пробежку было бесполезно, да и как такая мысль вообще могла прийти в голову. Нужно было возвращаться домой.

Челюсть болела, ныли под синим тренировочным костюмом ребра.

Переступив с ноги на ногу, Эдуард заметил под правой кроссовкой что-то блестящее. Это была то ли подвеска, то ли кулон, то ли брошь.

Она лежала на холодном пыльном асфальте. Рядом с ней была тонкая порванная цепочка.

Внешне находка выглядела как маленький желтый карандаш со стирательной резинкой из какого-то оранжевого камня. Это явно была женская побрякушка. А может, и не женская. В наш интересный век толерантности такую вещь может носить...

Приподняв подвеску, Эдуард зацепил ее за выступ кирпича в стене, чтобы растеряша, проворонившая эту безделушку, смогла с легкостью ее найти.

Если, конечно, она будет ее искать и если, конечно, кто-нибудь не такой принципиальный, как Эдуард, не прикарманит вещицу.

Отряхнув запачкавшийся синий тренировочный костюм, Эдуард еще раз осмотрелся и, потрогав ладонью ноющую скулу, прихрамывая, направился к дому.

Глава V

Василиса отлепила щеку от паркетного пола.

Мамочк... ляя... сук... – слова не складывались полностью в голове.

Так хреново ей никогда не было. Хотя было. Было! Не первый раз!

Она лежала на полу. Видимо, опять в алкогольно-коматозном состоянии, что случилось не так уж и редко, она упала с кровати.

Язык прилип к нёбу. С каждым выдохом ощущалось колючее зловонное покалывание отработанных спиртов по сухому горлу.

Василиса подтянула ноги к груди, пытаясь улечься в позу эмбриона на твердом и холодном полу, но стало еще хуже.

– Да вставай же ты, тряпка.

Девушка, поморщившись, поднялась и уселась на полу, опираясь на руку. Голова кружилась. Мысли судорожно скакали внутри, казалось, заполненного чем-то вязким и грязным черепа.

– На ноги вставай.

Василиса встала на колени и уже потом поднялась в полный рост.

Голову тут же стянуло раскаленным обручем, в глазах потемнело.

Шатающейся походкой она зашла на кухню, на которой был полный бардак. Но это был странный бардак. Бардак, непривычный для простого обывателя. Здесь не было грязной посуды, невымытых кружек, сковород с пригоревшим жиром, ложек, вилок и ножей.

Нет. Кухня была чистой, но просто-напросто забитой пустыми коробками от пиццы, контейнерами из ресторанов с восточной кухней, бумажками от бургеров, пустыми пластиковыми бутылками от колы и стеклянными бутылками изпод дешевого алкоголя.

Василиса открыла холодильник и, сморщившись от запаха начинающих портиться продуктов, достала литровую банку пива.

Щелкнул замок, зашипела холодная банка.

Трясушимися руками девушка поднесла емкость к губам и начала жадно пить. Через пять глотков она остановилась, чтобы перевести дух.

– Еще.

Василиса снова поднесла банку к губам и сделала еще порядка десятка аккуратных маленьких глоточков. Банка опустела наполовину. Где-то в затылочной доле мозга разлилось приятное чувство. Боль становилась тупой и со временем просто свелась к синдрому тяжелой головы. Девушка поставила банку на стол и направилась в душ.

Сняв пропахшую потом, сигаретами и еще чем-то отвратительным футболку с эмблемой Грей Джоев и стянув джин-

сы, в которых она завалилась спать прямо с порога, Василиса внимательно осмотрела себя в большом зеркале над раковиной.

Судя по свежим синякам на груди, животе и бедрах, она опять с кем-то жестко трахалась.

Как подсказали ей презервативы, что лежали в заднем кармане джинсов, у нее все же хватило ума предохраняться. По крайней мере, один раз.

И подвеску, которую она купила на известном сайте китайских товаров... Подвеску в виде карандаша с каким-то камнем, изображающим стирательную резинку, она, видимо, оставила там же, где и свое благоразумие, скромность и осторожность – в мужском туалете пресловутого бара «Black Ocean», в который периодически наведывалась, чтобы нажраться там в хлам.

Василиса встала в ванну, поправила свернутую набок душевую лейку и открыла воду.

Теплая жидкость ласково потекла по телу, смывая весь смрад и грязь предыдущей ночи.

Состояние было, конечно, паршивое. И физическое, и моральное. Будь Василиса каким-нибудь офисным клерком, пришлось бы звонить руководителю и притворяться больной. Но она не была клерком.

Есть, конечно, своя прелесть у работы во фрилансе. Тебе не нужно переться с самого утра в офис, ненавидя всех вокруг, не нужно иметь «правильную» внешность. Не нужно

вести «правильный» образ жизни.

Что говорит татуировка на кистях рук или других заметных частях? Она говорит: «Я никогда не буду работать в государственных структурах, крупных традиционных компаниях и финансовой сфере. Меня не будут брать на работу более 60% работодателей. Меня не выберут лицом, руками и прочими носителями бренда традиционно ориентированные производители чего бы там ни было. На меня будет коситься большинство людей старшего возраста. Я смогу общаться только с определенным кругом лиц и работать только на себя».

Не без исключений, но в большинстве случаев это так.

Василиса подрабатывала дизайнером и чуть-чуть web-программистом. Именно подрабатывала, потому что ее расходы были невелики, а лишних денег она никогда не держала.

Небольшая квартирка ей досталась от родителей, коммунальные расходы на одного человека не выливались в значительную сумму, ела она чуть-чуть, а пила...

Пила много спиртного, но самую дешевейшую дрянь, не скатываясь притом до уровня непотребства. По сути, она запиралась у себя в квартире и работала над какими-то проектами, в промежутках между которыми просто убивала время любимыми доступными способами.

Василиса в данный конкретный период своей жизни походила на самого древнего пещерного человека, который, об-

ретаюсь в кишащем ужасами мире, вылезал из своей пещеры на охоту только тогда, когда риск быть съеденным снаружи становился намного ниже риска от голодной смерти внутри.

Василиса вышла из душа, наспех вытерлась полотенцем, натянула чистую футболку с логотипом Corel Draw и уселась на диван. Стало намного легче. Остатки пива улучшили самочувствие девушки до уровня «можно жить».

Вдруг послышался характерный звук, и MacBook Pro, стоящий рядом на столе, ожил. Засветился входящий вызов в Skype. Василиса снова поморщилась и щелкнула мышкой для начала разговора.

Это был Тоха – один из ее старых приятелей, с которым она познакомилась в какой-то компании практически тысячу лет назад и с того времени общалась с ним только виртуально. Как он выглядел, она практически и не помнила.

Чем Тоха занимался, Василиса не спрашивала, но по кратким сведениям, почерпнутым из рассказов самого Тохи, он занимался чем-то связанным с социальными сетями. В общем, SMMщик.

– Привет! – прогремел Тохин голос в динамиках. – Что делаешь?

– Чилюсь, – хрипло ответила Василиса.

Она с самого утра еще ни с кем не разговаривала, поэтому ее голос был как нельзя более «приятным».

– Меньше нужно пить, – хохотнул Тоха. – Ты заказ принять в состоянии?

– А ты мне не мать! – огрызнулась Василиса. – Принять – в состоянии.

– А выполнить?

– Все зависит от сложности, сроков, оплаты...

– У-у-у, – протянул Тоха, – старая песня. В общем, я всю инфу тебе скинул на «мыло». Есть клиент. Мнит себя писателем. Издаёт книгу и пиарит её сейчас везде, где только возможно. В том числе ему нужен лэндинг по книге, а потом траффик на него.

– И в чём проблема? – спросила Василиса. – Ты бы меня из-за тупого лэндинга не дергал бы.

– Проблема в том, – продолжил голос в скайпе, – что для лэндинга нужны хорошие иллюстрационные материалы, а их ещё нужно отснять.

– И что за материалы? – Василиса правой рукой помассировала шею у основания черепа.

– Психушка, – ответил Тоха нарочито зловещим голосом.

– Что? – удивилась Василиса.

– Книга про психушку, – рассмеялся голос в скайпе. – Что-то типо «Пролетая над гнездом кукушки», только намного мрачнее и зловещее. Атмосфера Сайлент Хила, готики и прочего.

Нужно пять-десять классных обработанных имиджей. Например, серый пустой больничный коридор с облупившимися стенами, а посреди него стоит пустой стул. Или на фоне окна, в котором видны голые деревья, стоит фигура челове-

ка, а по очертаниям понятно, что он в смирительной рубашке. А... вот... Вот!! Самое оно... В углу стоит больничная старая кровать с металлическими спинками. К каждой спинке привязаны веревки, которыми когда-то связывали человека. Сейчас эти веревки живописно раскиданы по кровати. В центре грязного постельного белья на кровати – бурое пятно. То ли кровь, то ли говно.

Да! Вот типа такого. Ну как тебе работа?

– Ты больной на всю голову, – наконец-то улыбнувшись, сказала Василиса. – Вот тебе-то в психушку и надо.

– Ты же знаешь, – ответил Тоха, – я не могу поймать кадр. И фотошопом, как ты, не владею. А тут надо жути нагнать.

– И что ты предлагаешь?

– Нужно съездить в заведение, – сказал Тоха, – отснять материал, обработать и прислать мне. Если еще и страницу сверстаешь – вообще будет супер.

– И сколько платят? – спросила Василиса.

– Все на «мысле», – ответил Тоха. – Ответ нужен до завтра. Утром не увижу от тебя подтверждения – отдам заказ Андрею.

– Ну он тебе и сделает лажу, – злобно выпалила Василиса.

– Зато быстро, – парировал Тоха. – Иногда лучше quick and dirty, чем вообще никак. Ладно. Отключаюсь. Жду ответа.

– Пока, – ответила Василиса, и связь оборвалась.

Несколько минут девушка сидела в полном молчании, по-

том пододвинулась ближе к ноутбуку и открыла почтовую программу. В папке входящих писем она нашла одно непрочитанное с темой «Лэндинговая страница по книге – Сирены».

«Странное название для книги о психиатрической больнице, – подумала Василиса. – Хотя для книги о психиатрической больнице любое название будет странным».

Быстро просмотрев поставленные задачи и сумму оплаты, девушка поняла, что не взяться за это, по крайней мере, глупо с точки зрения заработка. Ну а если добавить все «прелести», окружающие данный проект, то выходило очень даже заманчиво.

Василисе оформляют пропуск в какую-то психиатрическую клинику, приставляют медбрата и проводят небольшую экскурсию с посещением не особо буйных представителей заведения. Девушка делает нужное количество снимков и уже после этого в тишине и покое собирает из них мрачные и тяжелые фантазии, о которых рассказывал Тоха.

Еще немного подумав, Василиса нажала на кнопку «ответить» и написала: «Беру заказ. Андрей сосет».

Глава VI

Оксана... Все особи женского пола, достигнув определенного возраста, обожают подарки, особенно от тайных поклонников. Ну, это мое личное мнение. Любят. Ведь это же тайна и, сука, романтика.

Обнаружив у себя в офисе на рабочем столе цветы без записки или с запиской, но без подписи, даю голову на отсечение, что весь остаток дня дамы посвятят раздумьям и перебору возможных дарителей. А вот уже к вечеру возможна даже продуманная во всех мелочах свадьба с одним из претендентов, их семья, их дом и дети.

Это все будет, конечно же, если в записке не значится черным по белому: «Я выпотрошу тебя, как грязную лживую свинью, и положу твои кишки себе на лицо» или в букете не будет присутствовать отрезанных частей человеческого тела.

В моем букете ничего подобного не было. Хотя могло бы быть. Отрезанных труборезом пальцев, оставшихся от моего давнего знакомого, ее любимого Павла, у меня было хоть отбавляй.

Когда с утра мне удалось дозвониться до Оксаны с купленного сегодня же у привокзальных цыган краденого телефона с такой же левой симкой и представиться курьером доставки цветов, у Оксаны не возникло никаких подозрений.

Видимо, в ее жизни хватало мужчин, находящихся на той

стадии отношений, когда дарить огромные букеты цветов не считается бессмысленной тратой денег. Ведь намного позже наступает период, когда сама «зайка» или «котенок», став женой или прожив лет пять вместе, попросит не тратиться на цветы. Хотя на самом деле надеется в глубине души на обратное.

Ложь? Ложь! Одна судья лживая ложь.

На вопрос об отправителе «букета» пришлось отвечать уклончиво, сказав, что к большой корзине цветов идет записка в конверте, а читать записки нам, курьерам, строго-на-строго запрещено инструкциями и начальством, и что если я хоть одним глазком увижу содержание записки, то меня сразу же уволят, а у меня мама на пенсии. Кроме меня, у нее никого нету. Да еще дети по лавкам.

– Разрешите записать адрес доставки, – говорю я.

– Да, конечно, – отвечает Оксана и называет свой действительный домашний адрес. Или, как говорят, адрес проживания.

Это хорошо. Значит, ничего не изменилось.

Оксана жила одна на съемной квартире в обычном спальном районе города. В высоком двенадцатиэтажном доме на несколько подъездов. Как правило, в таких домах соседи плохо знают друг друга, а уж те люди, что снимают квартиру, вообще предпочитают общаться с окружающими по минимуму.

Потом я совершенно обыденным тоном спрашиваю, когда

будет удобно принять букет.

– После обеда, – отвечает Оксана.

– К сожалению, есть интервал только с одиннадцати до часу, – говорю я. – Кто-нибудь, кроме вас, сможет забрать букет?

– Нет, – отвечает Оксана.

Отлично, значит, с утра у нее в квартире никого не будет.

– А в другое время кто-нибудь сможет принять корзину? – спрашиваю опять.

– Нет, – отвечает Оксана.

Отлично! Значит, она и после обеда с большой вероятностью будет дома одна.

– Минуточку, – я делаю небольшую паузу. – Сейчас освободилось время с четырнадцати до шестнадцати. Вам удобно?

– Лучше с половины третьего, – отвечает Оксана.

Ну что же, я не ее любовник и не долгожданный гость, поэтому к моему приходу она готовиться не будет. Следовательно, Оксана рассчитывает быть дома в четырнадцать тридцать.

Теперь можно проследить за ее подъездом и выяснить, с кем она вернется домой. Но десять к одному, что она будет одна. Затаскивать подруг среди недели на чай – не ее привычка, а звать молодого человека в ожидании букета – вообще полная глупость.

Ну а ее Павел, с которым они... тра... трахаются... Да бо-

же ж ты мой!! Сколько можно уже?!

Так вот ее Павел, с которым они проводят время не чаще трех раз в неделю и исключительно по его прихоти, сейчас находится за городом.

Я это точно знаю, потому что он за городом в озере с тяжелым пеноблоком, аккуратно привязанным к обрубкам его ног.

Я думаю, что через год рыбы и бог разложения плоти – Сабнак окончательно закончат мое дело.

– Отлично, – отвечаю я в трубку. – Подъеду к двум тридцати, максимум к трем. Подъезд? Код домофона?

Мне все подробно и четко объясняют. Практически дают в руки ключи от квартиры и подставляют спину под нож.

Оксана работает парикмахером, или, как она себя называет, стилистом, в небольшом и не слишком модном салоне красоты, поэтому она не сильно привязана к офисному времени и может себе позволить быть дома чуть позже полудня.

С большой корзиной цветов на заднем сиденье и со спортивной сумкой, вмещающей все необходимое, я жду, припарковав свой старенький Ford Galaxy неподалеку от подъезда Оксаны.

В четырнадцать часов пятнадцать минут я замечаю ее невысокую стройную фигурку в бежевом кашемировом пальтишке, направляющуюся по тротуару к своему дому.

Она явно в хорошем настроении, так как плывет, весело стуча каблучками по асфальту и игриво покачивая бедра-

ми. Я знаю, что это ее настроение предвкушения. Ощущение сказки, ожидание чего-то приятного.

В обычном своем часто депрессивном состоянии она двигается четко и ровно походкой робота, уставившись в одну точку.

Скользнув мимо моего минивэна, Оксана исчезла в подъезде, не обратив на меня абсолютно никакого внимания.

Ну что же... Она была одна. Было время действовать.

Я жду еще около пяти минут, беру спортивную сумку, перекидываю ее через плечо, поднимаю с заднего сиденья корзину с цветами, закрываю автомобиль и иду уверенной походкой к подъезду.

Поднявшись на соответствующий этаж, я поглубже натягиваю красную бейсболку с какой-то надписью и закрываюсь корзиной цветов от дверного глазка.

Звонок динь-донкает.

– Кто там? – спрашивает Оксана.

– Доставка цветов, – отвечаю я. – Мы с вами общались по телефону.

Дура тупая, разве в дверной глазок не видно цветы?

За дверью завозились с замком, петля скрипнула, дверь открылась, и Оксане в лицо уперлась корзина с цветами, над которой мелькала красная бейсболка.

– Куда можно поставить корзинку? – спросила красная бейсболка. – Мне еще нужна ваша подпись о факте доставки.

– Да, конечно, – сказала Оксана, увидев огромную и тяже-

люю для такой хрупкой девушки корзину. – Проходите. Вот сюда.

Красная бейсболка замелькала над цветами и вошла в коридор. Входная дверь закрылась.

– Держите, – корзина придвинулась ближе к Оксане, и та обхватила ее руками.

В тот же момент у ее шеи сухо затрещал электрошокер, корзина мягко переключалась обратно в мои руки, чтобы не рассыпались цветы, а тело Оксаны тихо упало на пол.

Поставив цветы на калошницу в коридоре, я расстегиваю сумку, достаю оттуда армированную липкую ленту (спасибо американским фильмам), марлевый кляп, моток веревки, бутылку шампанского и коробку конфет.

В бахилах и перчатках я иду на кухню, разливаю по бокалам шампанское, вылив часть в раковину, открываю коробку конфет и съедаю парочку. Все веселее. Шоколад – прекрасное средство от стресса и депрессии.

Потом я возвращаюсь в коридор, засовываю кляп в рот Оксане, креплю его скотчем, несколько раз обмотав вокруг головы, а потом связываю ей руки и ноги.

Далее нужно было приступить к операции «вынос тела».

Спустившись вниз к машине, я надеваю серую кепку и куртку, в которых месяц назад мне пришлось красить стены у себя в гараже, так как кровь уже не отмывалась. Вытащив из грузового отсека рулон линолеума, я взваливаю его на плечо и не торопясь возвращаюсь в квартиру Оксаны.

Выгляжу я просто великолепно – обычный невзрачный помятый и закапанный краской работяга, который делает кому-то ремонт. Увидев такого, вы даже не запомните его одежду, не то что пол, лицо или особые приметы.

Я старательно скручиваю Оксану в рулон линолеума, за-
тыкаю торцевые концы тканью, неплотно, чтобы был доступ
воздуха, тщательно связываю на концах и посередине, с тру-
дом взваливаю на плечо, захлопываю дверь ее квартиры и
несу «строительный мусор» вниз по лестнице.

Несколько минут, и ролл из линолеума и Оксаны лежит у
меня в Galaxy, аккуратно прикрытый тряпьем, а я уже заво-
жу свой минивэн.

Глава VII

Эдуард снова принял душ и почистил свой синий тренировочный костюм.

Лед, который он приложил к челюсти, не дал гематоме сильно расползтись, и если не присматриваться, то заметить последствия удара в челюсть было практически невозможно.

То, что это был удар, Эдуард уже не сомневался. Он отчетливо помнил здорового лысого парня криминального вида, его короткий хук в челюсть, асфальт перед глазами, черные военные ботинки, пинающие Эдуарда по ребрам.

Рядом со здоровяком был невысокий бледный молодой человек явно не богатырского сложения. Эдуарду больше всего запомнились его большие темные глаза и сломанный нос. Этот-то молодой человек и остановил громилу от еще более серьезных увечий, которые тот мог нанести Эдуарду.

Непонятым в данной ситуации было одно. Если у Эдуарда ничего не отняли, то это не ограбление, а если это не ограбление, то зачем было затевать всю эту возню.

Пьяные хулиганы? Возможно.

Эдуард сел перед огромным телевизором в неудобное белое кожаное кресло в центре комнаты и задумался.

Свои выходные он проводил абсолютно не так, как все остальные менеджеры среднего звена, у которых не было ни жен, ни детей.

Он не напивался в пятницу вечером в клубе, пытаясь подцепить девушку, желавшую там же найти себе решение всех своих финансовых проблем. Он не похмелялся в субботу, не отсыпался до обеда, не пролеживал на диване, просматривая очередной сезон очередного сериала.

Суббота у Эдуарда была днем спорта и еженедельной генеральной уборки.

Воскресенье – закупка продуктов и готовка.

Вечера отводились книгам или фильмам, которые заранее подготавливались. Читались аннотации, критика профессионалов и отзывы любителей, и только после этого фильм или книга ставились в список к просмотру или чтению.

Однако эта суббота сразу пошла не по плану. Со спортом как-то не срослось. После утреннего инцидента сильно болела челюсть и ребра, поэтому идти в спортивный зал было сродни мазохизму, а заняться уборкой не дал раздавшийся тут же телефонный звонок.

Эдуард встал с белого кресла, подошел к стеклянному столу, поднял свой смартфон и скользнул пальцем по экрану.

– Здравствуйте, Эдуард...

Это был Антон Николаевич – доктор, наблюдающий его брата Диму.

Дима... Он так до конца и не оправился от того ужасного случая в детстве. Его периодически укладывали на несколько недель в больницу с приступами обострения.

Случалось это не чаще двух раз в год, но с завидной пе-

риодичностью. Причем все это происходило внезапно.

Сегодня только они с Димкой встречались, разговаривали, обсуждали ремонт в квартире Эдуарда, в котором Дмитрий обещал помочь. А завтра брат бормотал в трубку страшные бессмысленные фразы, перемежаемые громким рыданием и странными упреками.

Бывали случаи, что Дмитрий, наоборот, долгое время вообще не выходил на связь.

Часто он запирался в квартире, отказываясь от пищи и погружаясь в какое-то отрешенное состояние. В такие моменты вытащить его оттуда мог только Антон Николаевич – его лечащий врач. Довольно молодой, но, несомненно, опытный и квалифицированный специалист.

Ему удавалось вытащить Диму как из квартиры, так и из глубокой депрессии и отрешенности.

Вот ровно месяц назад был как раз такой случай. Дмитрия с искусанными в кровь руками и заплаканным лицом на глазах привыкших уже ко всему соседей вывели из квартиры.

Антон Николаевич что-то рассказывал Диме мягким успокаивающим голосом, держа под руку и спускаясь вниз по лестнице к машине. Дима слушал и, казалось, кивал головой.

Следующие два месяца Дима провел в клинике. Его выписали буквально неделю назад.

– Эдуард, здравствуйте, – послышался голос Антона Николаевича. Голос был взволнованным.

– Здравствуйте, Антон Николаевич, – ответил Эдуард. – Что-нибудь случилось?

– Хотелось бы мне ответить, что ничего не случилось, – слышалось в трубке, – но, к сожалению...

– Что-то с Димой?

– Эдуард, – сказал Антон Николаевич, – я понимаю, что эта фраза звучит нелепо, но я советовал бы вам присесть.

Дмитрий опустился в белое кресло, и мир вокруг завертелся волчком, осью которого был сам Эдуард. Мысли поплыли, в висках застучало, снова разболелись челюсть и ребра.

– Не буду тянуть, – произнес голос в трубке. – Мне кажется, что лучше узнать это сразу. Дима... Дима покончил с собой.

Эдуард некоторое время молча сидел в кресле.

– Алло! – забеспокоился Антон Николаевич. – Алло! Эдуард! Вы здесь?

– Что? – переспросил Эдуард, надеясь, что в этот раз ответ будет другим.

– Дима покончил с собой, – повторил голос в трубке.

– Вы уверены? – Сил осознать эту информацию не было. Была только надежда, что кто-то что-то перепутал.

– К сожалению, ошибки быть не может.

– Как? – спросил Эдуард. – Что он...

– Передозировка, – поспешил ответить доктор.

– Передозировка? – удивился Эдуард. – Передозировка

чего? Чем вы его напичкали?

– Эдуард, – твердо произнес голос в трубке, – это не препарат. Это какой-то наркотик. Пока еще не определили, какой именно. Мы такого выписать не могли. Он сам его где-то достал, вне клиники.

– Извините, – пробормотал Эдуард. – Я просто не знаю, что...

– Понимаю, – сказал Антон Николаевич. – Я прекрасно понимаю ваше состояние, но, к сожалению, буду вынужден просить вас присутствовать на процедуре опознания.

– А почему именно вы? – спросил Эдуард. – Почему позвонили вы? Разве мне не должны звонить из полиции? Откуда вы узнали?

– Такие люди, как Дмитрий, состоят... – доктор слегка задумался, – стоят на особом учете. И при возникновении определенных инцидентов информация от правоохранительных органов поступает в первую очередь к нам.

Узнав о том, что случилось, я сам вызвался сообщить вам о произошедшем. Не думаю, что оформивший десятки случаев передозировки следователь, работающий с различными наркоманами, был бы более тактичен. А я все-таки наблюдал Дмитрия более пяти лет. Я очень хорошо знаю вас, хорошо к вам отношусь. Не хотелось бы оставлять вас в такой момент без поддержки.

– Извините меня еще раз, – сказал Эдуард. – Когда я должен...

– Лучше сделать это завтра, – ответили в трубке.

– Как и в какое время?

– Вы можете заехать к нам в клинику, а оттуда мы направимся вместе, – ответил Антон Николаевич. – Часам к двум вам будет удобно? Отсюда до м-м-м... отсюда это займет пять минут пешком.

– Да, – ответил Эдуард. – Хорошо. Большое спасибо.

– Буду вас ждать, – ответили в трубке. – До свидания.

– До свидания, – проговорил Эдуард и просто опустил руку с телефоном на подлокотник кресла. Телефон еще несколько минут истошно захлебывался короткими гудками, но потом заткнулся и погас.

Глава VIII

Илья с самого утра принялся за статью. На этот раз он делал обзор рынка люксовых смартфонов от дизайнерских ателье.

Все эти кнопки из чистого золота, кожа крокодила, карельская береза, бивни мамонта, драгоценные камни и тонны пафоса... За ними по сути не стояло ничего, кроме громких названий и желания поставить себя выше «черни».

Как называется это в пирамиде Маслоу? Уважение, статус и прочая ерунда.

Все двигалось просто отлично. Цинизм бил через край, известные марки тонули в море точных расчетов и выкладок, по которым значилось, что покупатели переплачивают в три и четыре раза просто за сотрясание воздуха. Едкие замечания и острые шутки вколачивались в текст, как гвозди в гроб нечистых на руку дельцов, обдирающих несчастных понторезов.

К вечеру статья была бы полностью готова, если бы не сигарета. Обычная сигарета, которую Илья решил выкурить перед тем, как дописать финальный абзац.

Курить в квартире Илья не любил, потому что полупустую квартиру-студию на двадцать втором этаже табачный запах превращал в мерзкую двушку спального района из его детства.

А на лестничной клетке курили. Об этом говорила пустая банка из-под кофе, полная окурков. Там курил и Илья. Редко, но все же курил.

Все меняется. Не меняются только люди.

Спустившись на второй этаж, на лестничной площадке у почтовых ящиков Илья чиркнул зажигалкой и закурил.

Нет! Все-таки что-то меняется. В подъезде из его детства пол был в шелухе от семечек и окурков, стены расписаны именами проживающих и информацией о том, кто из них лох, кто «пидр», а кто шлюха. Почтовые же ящики были...

Илья поднял глаза на стройный ряд металлических блестящих ящиков для почты и вдруг увидел, что из ящика с номером его квартиры что-то торчит.

Сначала Илья думал, что это обычный рекламный мусор. Его с удовольствием можно было просмотреть, чтобы отвлечься от мыслей о статье.

Может быть, рядом открылась очередная пиццерия или сушильня, там, где выдающие себя за японцев буряты стряпают роллы из несвежей рыбы и комкующегося риса. Или какая-нибудь эконом-парикмахерская предлагает стрижки от 300 рублей. Ну или, наконец, это могут быть просто счета за коммуналку.

Илья откинул крышку ящика и взял толстый белый конверт без опознавательных знаков.

Ни адреса, ни имени – ничего на нем указано не было. А это значит, что конверт положили в ящик не почтовые служ-

бы. Либо это был курьер, либо кто-то озаботился лично.

Илья аккуратно вскрыл конверт и обнаружил там пачку фотографий.

Взглянув на первую из них, он тут же закрыл конверт, затушил сигарету, быстро поднялся к себе на площадку, вошел в квартиру и захлопнул за собой дверь. Руки у него слегка дрожали.

Илья сел за стол, снова открыл конверт и достал оттуда стопку фотографий. Это были довольно профессиональные фото, сделанные достойным фотоаппаратом, распечатанные на хорошем принтере на дорогой фотобумаге.

На первом фото была запечатлена девушка, насколько можно было судить по одежде: серая юбка, бежевая блузка с небольшими пятнами чего-то темного.

Сначала Илья подумал, что она лежит на полу, потому что за ее спиной просматривался типичный паркетный рисунок. Но потом стало ясно, что это просто линолеум. Обычный дешевый линолеум, выстланный на полу и на стене за спиной девушки. Поэтому создавалось впечатление, что она лежит на полу.

Сама же девушка была крепко привязана к стулу. Лица ее нельзя было разглядеть, так как на голове у нее был плотно намотан пластиковый полупрозрачный пакет из «Ашана».

Это, в общем, был какой-то сюр и полный бред.

Но вот на груди девушки! Поверх блузки! Была наброшена подвеска на цепочке, которая моментально всплыла в па-

мяти Ильи, заставив его сердце замереть на долю секунды.

Это было быстро, отчетливо и внезапно пугающе, как молния на безоблачном ночном небе в тихий вечер.

Это была подвеска в виде желтого карандаша с желтым полупрозрачным камнем в виде стирательной резинки.

Это была та подвеска, которую ему оставила, сбежав, так сказать, «из-под венца», та чокнутая девушка в баре. Подвеска, которую он все же где-то потерял в тот роковой вечер и которую так и не смог у себя найти на следующее утро.

Илья взглянул на вторую фотографию. На ней была все та же девушка, все в том же положении, только темных пятен на бежевой блузке было меньше. Ее голова была поднята, а пакет не так плотно облеплял лицо.

На следующем изображении Илья с каким-то облегчением увидел, что пакет с головы девушки был снят. На фото была не та чокнутая из бара. На фото была миниатюрная блондинка с очень симпатичным, на первый взгляд, детским лицом и большими карими глазами.

Нижняя губа ее ближе к уголку рта была рассечена ударом чего-то твердого, хотя скорее всего, просто чьим-то кулаком о свой собственный зуб. Таких травм Илья повидал немало. Если бы тут применяли биты, или дубинку, или кастет, то повреждения были бы намного массивнее.

Рана кровила, и темная жидкость на блузке была не чем иным, как кровью, стекающей по подбородку и капающей на светлую одежду, оставляя на ней бурые следы.

Щеки девушки были мокрые от слез.

Далее какое-то странное чувство заставило Илью посмотреть до конца все фотографии, воспроизводящие этот извращенный акт физического насилия, применяемого к девушке.

Ни на одной фотографии не было ничего эротического, как он ожидал вначале. Девушка все так же была одета и привязана к стулу. Только с каждой новой фотографией у нее добавлялось красных пятен на лице – следов побоев и кровоподтеков, которые постепенно начинали опухать от фото к фото, становясь лиловыми.

Илья не мог даже предположить, что это за фотографии и кто их мог прислать. Возможно, это какая-то дурацкая постановочная сессия. Чья-то злая шутка. Чей-то жестокий розыгрыш. А может быть... Да черт знает, что может быть...

Последней в ладонь Ильи из конверта выпала та самая подвеска в форме карандаша, заляпанная засохшим бурым веществом. По логике – кровью.

Илья отложил конверт вместе с фотографиями в сторону и внимательно взглянул на подвеску. Да! Это была та самая безделушка, которая ему досталась от... как же ее... Василисы. Да! Точно! Василисы! Это была та самая подвеска.

Металлическая цепочка была по-прежнему порвана, но теперь связана узелком, словно две части разорвавшейся веревочки. Подвеска, бесспорно, была Василисина, но на фото была определенно не Василиса.

А может быть, это какой-то новый хитрый способ шантажа?

Раньше несовершеннолетние шлюшки укладывались в постель с какими-нибудь мужиками, а потом требовали от них денег, показывая свой паспорт и заявляя о том, что их изнасиловали. И теперь Илье будет звонить какой-нибудь хриплый голос, говорить, что он знает, что это именно Илья лишил чести какое-то невинное создание, и требовать деньги, угрожая отправить фотографии «куда надо».

Но тогда зачем эти люди вернули Илье подвеску с его отпечатками пальцев? Логичнее было бы держать ее у себя.

А может, это все же не та самая подвеска, а та самая находится у шантажистов? Да хотя и без подвески он оставил на этой Василисе достаточно и отпечатков, и других органических следов.

Боже! Да уж, прав был Володька! Не стоило связываться со всякими фриками. Никогда не поймешь, что у них на уме.

С другой стороны, если никакой записки в конверте нет, никаких объяснений тоже не следует, то сейчас самым разумным выходом будет просто ждать. Рано или поздно человек, который оставил конверт в почтовом ящике Ильи, выйдет на связь. Тогда-то Илья и узнает, что это были за фотографии, что за подвеска и какую роль во всем этом играет Василиса.

Илья тщательно упаковал все фотографии обратно в конверт, положил в него подвеску, сам конверт бросил в ящик

стола, запер ящик на ключ и открыл ноутбук со статьей.

Последний абзац ему удалось завершить только далеко за полдень.

Глава IX

Эдуард вышел на улицу в районе обеда.

Было жарко, как только может быть жарко в июльский полдень. Если бы не та ситуация, которая заставила его так кардинально изменить планы на сегодня, то можно было бы сказать, что это замечательный день.

Жаркое солнце, голубое небо, бодрящий ветерок, дети играют во дворе, мимо проходят красивые девушки – все это Эдуард, конечно же, отметил бы, если бы не...

Эдуард нажал на пульт автомобильной сигнализации. Его Hyundai Solaris пискнул и моргнул фарами.

Ехать до клиники, где работал Антон Николаевич, было около часа. Если без пробок, то порядка сорока пяти минут. Навигатор Эдуард почему-то именно сейчас включать не стал. Скорее всего, потому что он не хотел знать точно, во сколько может появиться у дверей клиники. Он не хотел об этом думать. Пытался представить, что просто едет куда-то по своим будничным делам.

Дорога от дома до клиники пролетела словно в забытии, и Эдуард вновь включился в реальный мир, когда его Hyundai Solaris снова пискнул и моргнул фарами, но теперь уже чтобы показать, что он встал в режим охраны.

Здание клиники было невысокое по сравнению с окружающими его многоэтажными домами. Оно затаилось посреди

жилого квартала, отгородившись от всего остального мира высоким забором из бетонных плит, аккуратно выкрашенных светло-зеленой краской как изнутри, так и снаружи.

Сами больничные корпуса были кирпичными, аккуратными и ухоженными. Эта клиника значительно отличалась от того места, где Эдуард и Дима провели безвылазно более года. Там все было иначе. Время тогда было другое, да и они сами тогда были другими.

Тяжесть гнетущих воспоминаний вознамерилась снова упасть на плечи Эдуарда, но он очень удачно споткнулся о ступеньку и чуть не растянулся на крыльце приемного отделения.

Сгруппировавшись и вовремя поймав равновесие, он все же удержался на ногах.

Потянув ручку двери на себя, Эдуард вошел в хорошо знакомое ему помещение. Он столько раз приходил сюда для разговора с Антоном Николаевичем. Он столько раз приходил сюда навестить Диму и столько раз забирал своего брата отсюда домой, чтобы потом снова вернуть его в лапы этого жадного до человеческих душ здания.

В большой комнате было светло и чисто. Это совсем не было похоже на то, как показывают психиатрические клиники в различного рода триллерах.

Там на входе у грязной заржавленной двери с маленьким окошечком сидит толстый санитар в засаленном халате, измазанном кровью. Там стены изуродованы выбоинами, а на

полу царапины и вытертости, оставленные ногами и ногтями сопротивляющихся пациентов, силой утаскиваемых в темную утробу психбольницы.

Ничего подобного здесь не было. За аккуратной стойкой, как на ресепшене отеля, сидела молодая симпатичная медсестра в светло-розовой униформе, состоящей из шапочки и халатика чуть выше колен.

Она усердно стучала по клавиатуре компьютера, плечом поддерживая телефонную трубку у уха. Над ней висел ЖК-телевизор, по которому шел какой-то новостной канал. Огромное окно было заставлено всякого рода зеленью, на стене висело электронное табло с расписанием приема врачей. Все казалось Эдуарду мирным, светлым и успокаивающим, если бы...

Если бы не кафель на полу, идеально ровные светло-зеленые стены, вечный запах хлорки и каких-то лекарств, что присущ любому медицинскому учреждению.

У стен на удобных стульях, обтянутых искусственной скрипучей кожей, сидели посетители. Их было немного. Четыре-пять человек, и все они были абсолютно обычными людьми, которые никак не выделяются из общей массы. Все. Кроме одного посетителя.

С самого края и как можно дальше ото всех сидела девушка. Ее волосы, выкрашенные в иссиня-черный цвет, были зачесаны на правую сторону так, словно она пыталась таким образом скрыть правый висок и вообще всю правую сто-

рону лица. Глаза были подведены черным карандашом, но все равно выглядели припухшими, словно от больших порций жидкости, выпитой накануне.

На девушке красовались камуфляжного цвета шорты, черная футболка с названием неизвестной для Эдуарда музыкальной группы. Скорее всего, панк- или хеви-металл-группы, судя по агрессивному шрифту, крестам и черепам. Это, конечно же, не совсем подходящая одежда для посещения больницы.

На плече девушки был рюкзачок для фотоаппарата с надписью Canon, а на шее висел сам фотоаппарат с довольно дорогим объективом, насколько Эдуард мог в этом разбираться.

Необычная посетительница клиники была совсем не похожа на девушек, что нравятся Эдуарду. Она была совершенно не в его вкусе, но где-то глубоко, в самом темном уголке его сознания, проснулось какое-то старое и совсем позабытое чувство, которое кольнуло в сердце Эдуарда тонкой ржавой булавкой, а потом спряталось вновь.

Девушка смерила Эдуарда быстрым взглядом и тут же потеряла к нему всякий интерес, видимо, не впечатлившись его классической белой рубашкой с коротким рукавом, серым галстуком, серыми отглаженными брюками, черными начищенными остроносими туфлями и коричневым кожаным портфелем, который висел на плече на длинном ремне.

Медсестра в розовом халатике вдруг перестала стучать по

клавишам, положила трубку телефона, громко произнесла «Эдуард Владимирович» и стала ждать реакции на свою фразу, пристально рассматривая посетителей.

– Это я, – сказал Эдуард, снимая портфель с плеча и перехватывая его за ручку.

– Антон Николаевич ждет вас, – произнесла медсестра, приподнимаясь из-за своего столика.

Вот она-то, в отличие от девушки с фотоаппаратом, была очень симпатичная, а ее розовая форма делала ее еще более притягательной. Эдуард быстро и жадно пробежался глазами по розовому халатику вверх и вниз несколько раз. И все-таки эта девушка с фотоаппаратом...

– Идемте, я вас провожу, – медсестра направилась по коридору мимо ожидающих.

Чувствуя спиной недовольные взгляды других посетителей, Эдуард двинулся за медсестрой. И то ли действительно услышал, то ли ему показалось, что сзади раздалось несколько щелчков затвора фотоаппарата. Оборачиваться он не стал. Если кто-то хочет его фотографировать – пусть фотографирует. У него и без этого в голове творится черт знает что.

Через несколько минут Эдуард оказался у высокой белой двери с табличкой «Вересков Антон Николаевич». Медсестра постучалась и тут же приоткрыла дверь.

– Входите, – раздался знакомый Эдуарду голос.

В светлом, как это бывает только в больницах, кабинете

за столом у окна сидел человек в белом халате.

На вид он был на пару лет младше Эдуарда. Высокий, стройный, сразу располагающий к себе человек. Да и как он мог быть не располагающим при такой-то профессии! Он просто должен был излучать покой и умиротворение.

При всем при этом каких-то особых, запоминающихся черт у Антона Николаевича не было. Аккуратная светлая рубашка, выглядывающая из-под халата, аккуратная прическа, гладко выбритое лицо.

– Здравствуйте, Эдуард, – произнес он. – Проходите, присаживайтесь.

Эдуард вошел в кабинет, а симпатичная медсестра, крутнувшись за его спиной, тут же исчезла.

– Здравствуйте, – ответил Эдуард. – Спасибо. Когда мы собираемся...

– Буквально сейчас, – перебил его Антон Николаевич, проведя кончиками пальцев по левой щеке. – Я по долгу своего положения обязан вам сообщить, так сказать, детали произошедшего. Вы не против?

– Хорошо, – Эдуард прикрыл глаза, словно в этот момент острая головная боль стиснула череп.

– Может быть, воды? – спросил доктор, пытаясь подняться с места.

– Нет, – ответил Эдуард. – Все хорошо. Насколько это может быть хорошо. Приступайте.

– Я позвонил Дмитрию три дня назад, – Антон Николае-

вич раскрыл толстую папку с Димкиным именем, лежащую на докторском столе. – Застать его я не смог. Многочисленные звонки на следующий день дали точно такой же результат – зеро. Тут мы уже серьезно забеспокоились...

– И вы не сообщили мне? – перебил Эдуард.

– Не успели, – тихо произнес Антон Николаевич. – Вечером того же дня нам сообщили, что Дмитрия Нестеренко нашли мертвым в своей квартире в собственной постели. Рядом с ним обнаружили пустой шприц и записку.

– Записку? – Эдуард уставился на доктора непонимающим взглядом.

– Записку, – ответил Антон Николаевич. – Все эм-м... люди, покончившие счеты с жизнью, в большинстве случаев оставляют записки. Думаю, чтобы хоть как-то объяснить свой непростой выбор, потому что добровольно уйти из жизни нелегко.

К тому же после их смерти у всех любящих и близких существует только одна мучительная и не дающая покоя мысль: «Как так могло случиться? Что мы сделали не так? Чем могли бы помочь? Почему не уберегли?»

Если человек оставил записку, то этим он либо хотел обвинить тех, кто его довел до самоубийства, либо таким образом желал, чтобы за него отомстили, либо просил, чтобы его близкие не считали себя виноватыми. По моему мнению, гораздо хуже, когда человек заканчивает свою жизнь так нелепо, бессмысленно и ужасно, не оставляя никаких намеков на

причину своего ухода.

– Что было в записке Димы? – с замиранием сердца спросил Эдуард.

– В этом-то все и дело, – ответил Антон Николаевич, проведя кончиками пальцев теперь уже по правой щеке. – Это необычная записка. Там нет угроз этому жестокому и несправедливому миру, нет пожеланий для родных не винить себя. Там какой-то странный афоризм, который, как мы надеемся, вы сможете помочь разгадать.

– И что это за афоризм? – Эдуард снова немигающими глазами уставился на Антона Николаевича.

Доктор уткнулся в папку, что лежала у него на столе, перелистнул несколько страниц, выискивая нужное место, потом ткнул в середину папки пальцем.

– «Наслаждайся маленькими вещами, – прочитал он, – однажды ты оглянешься назад и поймешь, что они были огромными».

Эдуард некоторое время смотрел на Антона Николаевича, а тот в свою очередь оторвал глаза от папки и взглянул Эдуарду прямо в глаза.

– Вам это что-нибудь говорит? – спросил он.

– Не припомню ничего подобного, – ответил Эдуард. – А если честно, то вообще в первый раз это слышу.

– Постарайтесь вспомнить, – Антон Николаевич не сводил глаз с Эдуарда. – Это очень важно.

– Нет! – твердо ответил Эдуард. – Я уверен в том, что ни-

когда в жизни ничего подобного не слышал.

– Я знаю автора этого афоризма, – сказал Антон Николаевич, по-прежнему глядя на Эдуарда. – Но понятия не имею, почему Дмитрий остановился именно на нем. Я думал, что, может быть, для вас этот афоризм значит что-нибудь особенное.

– Что за автор? – с нетерпением спросил Эдуард.

– Курт Воннегут, – ответил Антон Николаевич, – американский писатель-сатирик. В какой-то степени фантаст. Очень своеобразный фантаст, я хочу сказать. Конечно, со всеми его произведениями я не очень хорошо знаком, так как фантастику не слишком люблю, но две книги я осилил.

– И как это связано с Димой? – спросил Эдуард.

– Вот это мне как раз у вас и хотелось выяснить, – ответил Антон Николаевич. – Но насколько я теперь понимаю, никаких результатов данный след тоже не даст.

Доктор закрыл папку и взглянул на часы.

– Нужно отправляться, – сказал он. – Все остальные подробности вам расскажут на опознании.

Глава X

Василиса в назначенное время сидела в приемной клиники, адрес которой ей сбросили на электронную почту. Там же объяснялось, что в определенное время к ней выйдет Вадим – санитар данной больнички и проведет Василисе краткую экскурсию по самым сумрачным помещениям.

Войдя в приемную, где на нее тут же стали пялиться как на самого настоящего психа, Василиса уселась в отдалении, достала фотоаппарат и принялась ждать.

Через несколько минут в приемную с улицы практически ввалился типичный представитель офисного планктона с легким налетом хипстерства, что выражалось в подбритых височках и каком-то старом, затертом на вид, но, скорее всего, дорогушем портфеле.

На вид ему было около тридцати, высокий, спортивного телосложения, темные волосы, карие глаза, нос с горбинкой, одет в отвратительнейшую пошлую белую рубашку с коротким рукавом, на шее серый шелковый корпоративный поводок, стрелки на брюках наведены так, что можно порезаться, а черные туфли чуть ли не ослепляют блеском.

Но все же что-то в нем было... Какой-то маленький винтик завертелся в забытом отсеке огромного механизма сознания девушки. Василиса не смогла определить, что именно вызывает у нее такую реакцию, поэтому, как когда-то одна-

жды решила, предпочла избегать дополнительных непонятных ей волнений и просто отвела взгляд.

Сидящая за столиком медсестра что-то произнесла, человек ей что-то ответил, и они оба направились по коридору.

«Щелкни его».

Василиса подняла камеру, навела резкость и несколько раз нажала на кнопку спуска затвора. Раздалось несколько сухих щелчков. Человек и медсестра свернули за угол и исчезли.

В эту же секунду в конце коридора появился молодой человек, который, судя по голубой специальной блузе и голубым штанам, был сотрудником данного учреждения. Молодой человек был невысокого роста, чуть полноват и с пивным брюшком. Он не торопясь подошел к Василисе и внимательно посмотрел на нее.

– Здравствуйте, – произнес он, улыбнувшись. – Это вы к нам на фотосессию?

– А так сразу не понять? – спросила Василиса, приподнимая фотоаппарат одной рукой.

– Я просто уточнил, – пожал плечами молодой человек. – Я Вадим.

«Щелкни его».

– Василиса, – сказала девушка и, не опуская фотоаппарата, несколько раз нажала на кнопку спуска затвора.

– Польщен, – ответил на эту неожиданную выходку Вадим. – Разрешите мне вас проводить?

– Велими понеже, – по привычке съязвила Василиса, делано поднимаясь со стула и протягивая молодому человеку руку.

Вадим сделал вид, что не заметил протянутой руки, развернулся и пошел по коридору. За ним последовала Василиса.

Плутая по полупустым коридорам, изредка делая несколько снимков, Василиса и Вадим обошли часть клиники. Какой-то материал здесь, конечно, был, но вот того единственного кадра, чтобы это был прямо тот кадр, на поиски которого не жалко было бы потратить целый день, не попадалось. Значит, он был где-то впереди. В видеоискатель назойливо бросались длинные коридоры, пустые палаты, в которые потом можно было добавить безумные надписи на стенах. Чуть позже появилась пара снимков сумрачных подвальных помещений с мигающими лампами дневного света. В принципе – неплохо.

– А столовая? – вдруг спросила Василиса.

– В каком смысле? – не сообразил Вадим.

– Ну, у вас же есть какой-нибудь пищеблок, – ответила девушка. – Вы же кормите пациентов?

– Да ну, – махнул рукой Вадим. – Ничего необычного. Кафель, кастрюли, шланги, металлические стеллажи.

– Очистки, крысы, тараканы, – продолжила Василиса, – большие кухонные ножи, раскаленные варочные поверхности, какая-нибудь огромная Тамара Викторовна в засален-

ном сером переднике.

– Ну... – Вадим на некоторое время задумался, – вообще-то туда посетителей не пускают. Мало ли что. У каждого пациента своя диета. Кому-то сахар нельзя, кому-то острое, соль, мясо. У кого-то просто аллергия. Если чуть-чуть что-то перепутать...

Да к тому же это вопрос безопасности. У нас и простая зубочистка может много дел натворить. Плюс там иногда сами пациенты работают. Те, конечно, кому разрешается. Хотя сейчас, я думаю, там никого уже не будет до самого ужина.

– Ну так как... – Василиса попыталась сделать умоляющее лицо.

– Хорошо, – ответил молодой человек, – но за это и мне сделаете пару каких-нибудь криповых фоток.

Василиса кивнула, одной рукой подняла аппарат и, не целясь, сделала пару снимков в сторону Вадима.

Пищеблок не подвел. Там действительно удалось сделать несколько замечательных кадров. Даже Вадим сумел попозировать где-то в темном углу, изображая зловещую тень.

Внезапно, когда молодой человек был где-то вне зоны видимости, какой-то предмет слегка ударил в голову Василисе, отскочил и упал на пол у ее ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.